

УДК 347.412.1:347.63

**ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПО ДОГОВОРУ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА**

А.Р. Пурге

Рассмотрены вопросы гражданско-правовой ответственности по договору о суррогатном материнстве.

Ключевые слова: договор о суррогатном материнстве; привлечение суррогатной матери к гражданско-правовой ответственности; гражданско-правовая ответственность генетических родителей.

**LEGAL CHARACTERISTIC OF RESPONSIBILITY
UNDER THE AGREEMENT OF SURROGACY**

A.R. Purge

The article considers questions of the civil agreement responsibility of surrogacy.

Keywords: agreement on surrogacy; involvement of substitute mother to civil responsibility; civil responsibility of genetic parents.

Отсутствие четкой законодательной регламентации договорных правоотношений между потенциальными родителями и суррогатной матерью не обеспечивает сторонам договора о суррогатном материнстве его надлежащее исполнение. Сложившаяся практика реально существующих общественных отношений ставит множество вопросов, решение которых видится в полной и всесторонней проработке условий заключаемого договора, а также ответственности за их исполнение.

Главой 25 ГК РФ предусмотрена ответственность лиц, виновных в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства; кроме того, стороны в рамках заключаемого договора могут конкретизировать основание, размер и пределы возможной ответственности. Таким образом, в случае заключения сторонами договора суррогатного материнства, но неисполнения его условий к ним применяются меры гражданско-правовой ответственности [1].

Согласно ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. При этом существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, от-

носительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. При заключении договора суррогатного материнства стороны должны согласовать следующие обязательные условия. Во-первых, условие о предмете; во-вторых, условие о цене в случае возмездности договора (при этом следует оговорить не только сумму вознаграждения, но и другие выплаты, например, сумму компенсации расходов, связанных с суррогатным материнством, или размер ежемесячного содержания суррогатной матери во время беременности и прочее). Третья группа существенных условий (предложенных стороной) может быть самой разнообразной: условие о медицинской организации, которая будет проводить процедуру ЭКО; условия поведения суррогатной матери в период вынашивания ребенка (выполнение необходимых процедур, здоровый образ жизни, предоставление сведений о состоянии здоровья и прочее); место проживания суррогатной матери на период оказания услуги и другие.

Например, в законодательстве Республики Беларусь, которое закрепляет и регулирует договор суррогатного материнства, наряду с уже упомянутыми условиями, в качестве существенных указаны также условия о количестве эмбрионов, которые будут перенесены в матку суррогатной матери; обязанность суррогатной матери передать ребенка

(детей) после его (их) рождения в определенный срок; обязанность заказчицы принять от суррогатной матери ребенка (детей) после его (их) рождения в определенный срок [2].

Законодательство Голландии также предусматривает заключение договора между суррогатной матерью и заказчиками с возможностью закрепления большого спектра прав и обязанностей, например, отказ суррогатной матери от курения во время беременности. Договором также может быть предусмотрено согласие суррогатной матери передать ребенка заказчикам, однако в силу законодательства такое согласие может быть признано недействительным как противоречащее закону [3].

Как показывает практика, стороны не всегда должным образом согласовывают условия договора суррогатного материнства, вследствие чего лишаются возможности защитить свои права и законные интересы. Например, в 2007 г. Судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда в рамках рассмотрения дела по иску К. к Е. о возмещении ущерба и компенсации морального вреда по кассационной жалобе ответчика на решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга, которым искивые требования К. были частично удовлетворены (с Е. в пользу К. были взысканы убытки в размере 113 469 руб. 64 коп.), указала следующее. В рамках заключенного между сторонами договора об оказании услуг суррогатного материнства Е. приняла на себя обязательство участвовать в процедуре ЭКО, однако в назначенное время ответчица в медицинское учреждение не явилась, нарушив условие договора. Истица настаивала, что действиями Е. ей был причинен имущественный и моральный вред (она испытала чувство обиды и разочарования, так как потратила много сил и средств зря, по вине ответчика рухнула ее мечта стать матерью). Суд первой инстанции, удовлетворяя искивые требования, посчитал установленным, что договор между сторонами был заключен и в силу ст. 309 ГК РФ должен быть исполнен. Однако с такими выводами суда, изложенными в решении, судебная коллегия не согласилась, поскольку они не основаны на законе и не соответствуют материалам дела. Из имеющегося в материалах дела договора при сопоставлении его с текстом договора, представленного ответчиком на заседание судебной коллегии, а также текстами дополнительных соглашений к договору, объяснений сторон следует, что договор не содержит существенных условий, в нем имеются исправления, не оговоренные сторонами как согласованные и принятые ими; договор заключен поспешно.

Ни в договоре, ни в дополнительных соглашениях к нему не был указан срок явки ответчика для участия в процедуре ЭКО, в то время как п. 2.1.3 договора предусматривает оказание услуги в сроки, определенные договором. Договор не содержал конкретных указаний в отношении цены оказываемых услуг и порядка расчета между сторонами. Сопоставление текстов договоров, представленных каждой из сторон, свидетельствовало о том, что окончательный вариант договора сторонами подписан не был, по поводу существенных условий договора между сторонами имелись разногласия, которые не были устранены. Сопоставление каждого из вариантов договора с текстами дополнительных соглашений позволило сделать вывод о том, что они содержат противоречивые и взаимоисключающие условия. Кроме прочего, договор не содержал данных о том, как будет производиться расчет между сторонами в случае рождения ребенка мертвым. А запись, сделанная в дополнительном соглашении, о том, что в случае смерти заказчика (истца) вся ответственность по исполнению договора возлагается на ее родственников – мужа, сестру, мать, не была подтверждена согласием на это указанных лиц. Дописанная истцом в дополнительном соглашении фраза о том, что договор должен быть переоформлен с уточнениями и заверен у нотариуса, подтвердила доводы ответчика, что по существенным условиям договоренность не была достигнута. С учетом изложенного судебная коллегия сочла, что обязательства ответчика явиться на операцию “по подсадке эмбриона” не наступили в связи с недостижением соглашения по существенным условиям договора [4].

Приведенный пример показывает возможное основание привлечения суррогатной матери к гражданско-правовой ответственности (в случае доказанности правонарушения). Я.Г. Передникова отмечает, что в последнее время межотраслевой проблемой стала недобросовестность клиентов медицинских организаций, связанных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. Это прежде всего суррогатные матери, которые имеют желание получить доход, но не всегда добросовестно выполняют обязанности по договору, направленные на нормальное вынашивание и развитие ребенка и роды [5]. Вместе с тем суррогатная мать несет ответственность за несоблюдение предписаний врача, умышленное причинение вреда своему здоровью с целью причинения вреда ребенку. Представляется, что сказанное свидетельствует о необходимости указания в договоре о суррогатном материнстве на обязанность суррогатной матери соблюдать режим жизни,

позволяющий сохранять нормальное течение беременности, и ответственность за передачу большого ребенка, если причины болезни связаны с поведением суррогатной матери во время беременности. Возможно также предусмотреть в договоре уменьшение вознаграждения, которое получит суррогатная мать после рождения ребенка, что представляется целесообразным, так как суррогатная мать взяла на себя обязательства по вынашиванию ребенка и должна выполнить данное условие самым надлежащим образом, поскольку в большей степени именно от нее зависит здоровье будущего ребенка [6].

Например, гражданка В.Е. (суррогатная мать), несмотря на благополучный результат (рождение детей), в связи с ненадлежащим выполнением условий договора лишилась части причитающейся ей суммы вознаграждения за оказанную услугу. В.Е. обратилась в суд с требованием о взыскании недостающей суммы, однако в иске ей было отказано. Суд указал, что согласно п. 3.3 договора суррогатного материнства В.Е. обязалась беспрекословно выполнять предписания и требования о режиме дня, режиме питания, возможности ведения половой жизни, аккуратно принимать все необходимые лекарственные препараты и проходить все медицинские процедуры, а также соблюдать общепринятые нормы гигиены, необходимые для успешного течения беременности, назначенные врачом. В соответствии с п. 3.4 договора истец обязалась сознательно и добровольно не вести половую жизнь весь период беременности, понимая угрозу приобретения заболеваний, могущих нанести вред развивающемуся плоду. В силу п. 6.3 Договора при систематических нарушениях условий договора генетические родители вправе снизить сумму оговоренных выплат и компенсаций. Разрешая спор, суд посчитал требования истца о взыскании разницы между определенной по договору суммой и фактически выплаченной не подлежащими удовлетворению, поскольку В.Е., собственноручно подписав договор о предоставлении услуг суррогатного материнства и приложение к нему, согласилась с содержащимися в них условиями, в том числе и касающимися размера ее вознаграждения, который был снижен ввиду того, что В.Е. были нарушены п. п. 3.3 и 3.4 договора [7].

С целью защиты интересов генетических родителей на случай сомнений относительно биологического родства с вынашиваемым суррогатной матерью ребенком в договор суррогатного материнства может быть включено условие о проведении обязательного генетического анализа рожденного ребенка. Если в результате проведения такой

экспертизы окажется, что генетический материал ребенка отличен от такового у заказчиков, то на суррогатную мать должна быть возложена обязанность возместить все предусмотренные договором расходы.

При этом генетические родители также могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности за несвоевременную или неполную оплату услуг суррогатной матери либо за непредоставление необходимого содержания на период беременности суррогатной матери и прочее. Представляется, что потенциальные родители находятся в достаточно уязвимом положении, поскольку, во-первых, реализация их права стать родителями всецело зависит от женщины, согласившейся выносить и родить для них ребенка; во-вторых, они вынуждены оплачивать услугу независимо от ее результата. В этой связи целесообразно с учетом сложившейся практики предусмотреть в договоре суррогатного материнства возможные негативные варианты развития событий. Например, в связи с возможным прерыванием беременности в договоре стоит предусмотреть возможное снижение размера вознаграждения для суррогатной матери. Как показывает практика, такое условие позволяет в определенной степени защитить права потенциальных родителей.

Так, О.Л. Корикова (суррогатная мать) обратилась в суд с иском к Ю.В. и Д.В. Максименко (генетические родители) о взыскании задолженности по договору оказания услуг суррогатного материнства и компенсации морального вреда. В рамках заключенного между сторонами договора о предоставлении услуг суррогатного материнства О.Л. Кориковой 30 января 2014 г. в результате проведения процедуры ЭКО ей был произведен перенос двух эмбрионов, после чего наступила беременность. Однако на сроке 16 недель у истицы произошел выкидыш мертвым плодом, в связи с чем беременность была прекращена. В заключенном сторонами договоре было предусмотрено, что в случае гибели плода по вине суррогатной матери (падение, поднятие тяжести, занятие сексом, ОРЗ) суррогатная мать лишается любых форм компенсаций и вознаграждений, оговоренных договором, и возвращает сумму, покрывающую расходы, понесенные генетическими родителями. Стороны также предусмотрели, что в случае несохранения беременности не по вине суррогатной матери, не требующей медикаментозного или операционного вмешательства, на ранних сроках от 5 до 8 недель ей выплачивается компенсация в размере 30 000 рублей единовременно; на сроках от 9 до 14 недель – в размере 50 000 рублей; свыше 14 недель – 100 000 рублей.

Несмотря на то, что причина гибели плода установлена не была, заказчики выплатили О.Л. Кориковой компенсацию в размере 50 000 рублей. Корикова настаивала на том, что по акушерским срокам (от первого дня последней менструации) беременность прервалась на сроке 16 недель и требовала увеличения размера компенсации до 100 000 рублей. Однако суд отказал в удовлетворении требования, указав, что при проведении процедуры ЭКО срок определяется более точно, поскольку достоверно известна дата проведения процедуры подсадки эмбрионов. Суд пришел к выводу, что при определении размера компенсации, подлежащей выплате ответчиками О.Л. Кориковой по условиям договора, срок ее беременности следует исчислять с момента переноса эмбрионов в полость матки суррогатной матери, то есть с 30.01.2014 г. Соответственно, к моменту прекращения беременности (05.05.2014 г.) данный срок составил 13,5 недель, размер выплаченной ей ответчиками материальной компенсации в размере 50 000 рублей произведен в полном соответствии с условиями договора. Кроме того, истец не представила доказательств, подтверждающих, что умышленными, виновными действиями ответчиков ей были причинены физические и (или) нравственные страдания, в связи чем ей было также отказано в компенсации морального вреда [8]. Стоит отметить, что О.Л. Корикова обжаловала данное решение, однако впоследствии отказалась от апелляционной жалобы [9].

В ситуации, когда стороны не предусмотрели единовременной выплаты на случай возникновения непредвиденных обстоятельств, за которые стороны не отвечают, в результате чего условия договора не были выполнены, по мнению Т.К. Крайновой, подлежит применению ч. 3 ст. 781 ГК РФ, согласно которой потенциальные родители должны оплатить только фактически понесенные расходы. Это может быть оплата медицинского наблюдения, расходов на содержание суррогатной матери в период действия договора. Оплата фактических расходов вполне справедлива, так как беременность в любом случае требует материальных и моральных затрат, которые должны быть компенсированы даже при отрицательном результате [10].

Вопросы, связанные с возможностью одностороннего отказа сторон от исполнения договора, а также с отсутствием законных механизмов для недопущения этого, являются самыми острыми и трудноразрешимыми в области правового регулирования суррогатного материнства. Односторонний отказ от обязательства со стороны суррогатной матери может быть выражен в двух формах. Это

отказ от передачи ребенка после рождения (в соответствии с п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ суррогатная мать вправе отказать своим контрагентам в предоставлении согласия на запись их родителями ребенка [11]) либо прерывание беременности (согласно Ст. 36 и 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель [12]).

В этой связи вопросы прерывания беременности должны быть согласованы при заключении договора суррогатного материнства. Так, сторонам, прежде всего, необходимо предусмотреть условие о возможности прерывания беременности по медицинским показаниям, поскольку такая ситуация должна быть отнесена к неисполнению договора по независящим от сторон обстоятельствам, следовательно, правовые последствия должны быть аналогичны рассмотренным выше.

Однако совсем другая ситуация складывается в случае прерывания беременности без медицинских показаний и без уведомления и согласования с потенциальными родителями (одним из них), поскольку это следует рассматривать как односторонний отказ от исполнения договора. В такой ситуации суррогатная мать лишается вознаграждения, а кроме того, в силу ст. 782 ГК РФ обязана возместить заказчикам понесенные ими расходы. Представляется, что суррогатная мать должна быть ограничена в праве на односторонний отказ от исполнения договора суррогатного материнства, в частности в праве на прерывание беременности по собственному желанию, так как, прерывая беременность и реализовывая тем самым свое право на отказ от материнства, суррогатная мать препятствует реализации права на материнство другой женщины – потенциальной матери вынашиваемого ребенка.

Одна из основных проблем в сфере реализации программы суррогатного материнства связана с приоритетным правом суррогатной матери оставить ребенка у себя после рождения. При этом юридическая сила договора суррогатного материнства справедливо подвергается сомнению, и на практике возникает вопрос, как защитить стороны, заключившие договор о суррогатном материнстве. Следовательно, можно сделать вывод, что в настоящее время в России нормы, носящие, по сути, декларативный характер, не позволяют сторонам, заключившим договор о суррогатном материнстве, быть уверенными в его надлежащем исполнении.

В соответствии с действующим законодательством суррогатная мать не может быть привлечена к ответственности за то, что воспользовалась своим приоритетным правом и оставила ребенка себе, тем самым признав свои родительские права. Возможность же привлечения к гражданско-правовой ответственности потенциальных родителей (одного из них), отказывающихся от ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства, а также суррогатной матери в случае отказа от дачи согласия на государственную регистрацию ребенка нареченными родителями видится вполне приемлемой. Например, возможно императивное установление возникновения алиментной обязанности для потенциальных родителей (одного из них), использовавших суррогатную мать для рождения ребенка и отказавшихся впоследствии от него. Норма должна быть обязательной при условии, что и суррогатная мать отказалась от ребенка.

Одной из проблем, возникновение которой не исключается в рамках реализации договора суррогатного материнства, является возможность рождения в результате программы нездоровых детей. Вполне обоснованно будет возложить ответственность на медицинское учреждение либо на отдельных его работников в случае заражения суррогатной матери или потенциальных родителей (одного из них) какой-либо инфекцией в процессе имплантации эмбриона как за вред, причиненный здоровью. Однако медицинское учреждение должно отвечать не за любой, а только за причиненный им вред. Отсутствие причинной связи между искусственным оплодотворением и наступившими вредными последствиями, выразившимися в причинении вреда здоровью женщины или ребенка, исключают ответственность медиков, так как это означает, что вред явился следствием не его противоправного поведения, а вызван действием других причин. То есть в случае, если ребенок родился больным без вины врачей и суррогатной матери, представляется, что никто не будет нести ответственность. В этой связи целесообразно установить обязательное страхование ответственности как суррогатной матери, так и потенциальных родителей (одного из них).

Стоит отметить, что договорные отношения по оказанию услуг суррогатного материнства в странах СНГ регулируются по-разному: от четкой законодательной регламентации до полного игнорирования таких отношений. Так, в жесткие рамки соблюдения “договорной дисциплины” поставлено суррогатное материнство в уже упоминавшемся законе Кыргызской Республики от 10 августа 2007 г. № 147 “О репродуктивных правах

граждан и гарантиях их реализации”. Сама репродуктивная технология возможна только на основании нотариально удостоверенного договора. При этом обращает внимание, что заключение договора возможно по доверенности, хотя суррогатное материнство затрагивает сугубо личные права заказчиков, касающиеся сущности правосубъектности личности – рождения человека. Лица, давшие согласие на имплантацию эмбриона суррогатной матери, в соответствии с договором несут материальные расходы, связанные с ее оздоровлением в период беременности, родов и послеродовой период.

Суррогатная мать после передачи ребенка его родителям теряет все права на этого ребенка. В последующем за любые действия по отношению к ребенку и его родителям суррогатная мать несет ответственность в соответствии с законодательством Кыргызской Республики. Суррогатная мать не вправе передавать родившегося ребенка никому, кроме супругов, заключивших с ней договор. При обозначенном подходе видно, что суррогатная мать ставится в достаточно жесткие рамки. Только в законе Кыргызской Республики (в сравнении с законами других стран-участниц СНГ) присутствует статья об ответственности самой суррогатной матери, благодаря которой она нивелируется до объема правового регулирования [13].

В отличие от Кыргызской Республики в Республике Таджикистан вопрос о суррогатном материнстве остается неурегулированным, как и применение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в целом. При этом на практике экстракорпоральное оплодотворение как метод лечения бесплодия используется в медицинских центрах республики. Однако недостаточность правового регулирования порождает проблемы по защите прав пациентов. Семейный кодекс Республики Таджикистан оставил вопрос использования вспомогательных репродуктивных технологий неурегулированным [14]. Гражданское законодательство Таджикистана предусматривает возможность возмещения убытков и компенсации морального вреда. В настоящее время к правоотношениям, возникающим в связи с использованием ВРТ, могут применяться условия договора о возмездном оказании услуг, что вряд ли правильно. Специфичность предмета договора, носящего деликатный характер, обуславливает необходимость распространения на правоотношения, возникающие при использовании вспомогательных репродуктивных технологий, особого правового регулирования.

Обобщая сказанное, следует отметить, что в настоящее время договорное обеспечение суррогатного материнства в нашей стране на законодательном

уровне недостаточно. Исследование подтверждает очевидную необходимость включения во вторую часть Гражданского кодекса РФ главы о правовом регулировании договора о суррогатном материнстве, которая четко на законодательном уровне закрепляла бы существенные условия данного договора и указывала все его особенности, что позволит избежать проблем в правовом регулировании отношений между суррогатной матерью и потенциальными родителями ребенка.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ. Ч. 2 [федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. О вспомогательных репродуктивных технологиях: [закон Республики Беларусь от 7 янв. 2012 г. № 341-З] // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2012. № 8. Ст. 2/1893.
3. Vonk M. Nederlandse vereniging voor rechtsvergelijking (Nederlands comparative law association) / M. Vonk // Electronic Journal of Comparative Law. 2010. December. Vol. 14.3. URL: <http://www.ejcl.org>
4. Определение Свердловского областного суда от 28 августа 2007 г. Дело № 33-5744/2007 / председательствующий Зинченко И.П.; судьи Родионова Т.О., Черепанова А.М. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=RASVR ;n=17476>
5. Передникова Я.Г. Суррогатное материнство как аспект гражданского права / Я.Г. Передникова // Студент и научно-технический прогресс: материалы XLIX Междунар. науч. студ. конф., 16–20 апр. 2011 г. Новосибирск: СибАГС, 2011. С. 30–31.
6. Пестрикова А.А. Проблемы договора о суррогатном материнстве / А.А. Пестрикова // Гражданское право. 2006. № 2. С. 14–17.
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 8 апреля 2014 г. по делу № 33-10938 / судья Кудрявцева М.В. // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=879371>
8. Решение Кировского районного суда г. Омска (Омская область) по делу № 2-5282/2014 от 14 октября 2014 г. / судья Бабкина Т.В. // URL: http://sudact.ru/regular/doc/n97JNxzsnPQC/?regular-txt=суррогатное+материнство®ular-case_doc=®ular-doc_type=®ular-ate_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1427123102194&nippet_pos=172#snippet
9. Апелляционное определение Омского областного суда от 17 декабря 2014 г. по делу № 33-8544/2014. / председательствующий Панкратова Е.А.; судьи Моисеева Л.А., Шишотский А.И. URL: <https://rospravosudie.com/court-omskij-oblastnoj-sud-omskaya-oblast-s/act-467828408/>
10. Крайнова Т.К. Договор суррогатного материнства / Т.К. Крайнова. URL: http://ivanova-notarius.ru/inform/surrogat_mat.php?width=1440&height=900
11. Семейный кодекс РФ: [федер. закон от 29 дек. 1995 г. №223-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
12. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: [федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
13. О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации: [закон Кыргызской Республики от 10 авг. 2007 г. № 147] // Эркинтоо. 2007. 24 авг. (№ 60).
14. Семейный кодекс Республики Таджикистан: [от 13 нояб. 1998 г. № 682] // АДЛИЯ: Централизованный банк правовой помощи Республики Таджикистан. Версия 6.0 / Мин-во юстиции Республики Таджикистан. Душанбе, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD – ROM).